

МАРИЯ ЛЕБЕДЕВА

ТАМ ТЕМНО

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л33

Художница *Елизавета Корсакова*

ПЕРЕДЕЛКИНО

Работа над книгой велась в литературных резиденциях
Дома творчества Перedelкино и АСПИР

Лебедева, Мария Николаевна.

Л33 Там темно : [роман] / Мария Лебедева. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. —
284, [4] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-161906-0

Мария Лебедева — литературный критик. «Там темно» —
дебютный роман.

Кира работает в хостеле и хочет написать книгу. Яся учится
в школе, и все с облегчением выдохнут, когда она её окончит.
Сёстры знают друг о друге только по разговорам родных.
У них не так много общего: разве что один отец и одинаково
обострённое чувство эмпатии.

Но когда большая белая птица, появившаяся из ниоткуда,
становится проблемой для обеих, сёстрам придётся объеди-
ниться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161906-0

© Лебедева М.Н., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Ане Казариной

я не хочу уходить в темноту,
я хочу выйти из своей
neutral machine

Содержание

Ответ 1. Мне не грустно	11
Ответ 2. Я смотрю в будущее без особого разочарования	32
Ответ 3. У меня не потерял интерес к другим людям	52
Ответ 4. Я принимаю решения примерно так же легко, как всегда	72
Ответ 5. Я не чувствую, что выгляжу сколько-нибудь хуже, чем обычно	93
Ответ 6. Я не испытываю никакой особенной неудовлетворённости	115
Ответ 7. Я не чувствую никакой особенной вины	132
Ответ 8. Я могу работать примерно так же хорошо, как и раньше	161
Ответ 9. У меня нет никаких мыслей о самоповреждении	185
Ответ 10. Я не испытываю разочарования в себе	215
Ответ 11. Я устаю ничуть не больше, чем обычно	237
Ответ 12, хронологически следующий за первым. Мой аппетит не хуже, чем обычно	254
Сначала, вообще-то, вопрос	267
Благодарности	284

Ответ 1.

Мне не грустно

Рыбы тыкались беззубыми мордами, облепили со всех сторон. Одна, смелее и злее, пробовала ущипнуть. Пузырьки заменили звучащее слово — и рассыпалась рыба бронею.

Белея на границе между воздухом и волнами, она глотала попеременно и то и другое, кашляла, задыхалась. Рыбы прятались под корягами, смотрели недоумённо: что это тут происходит?

Сама будто рыба, выбравшись кое-как, плюхнувшись на песок, перекатилась с живота на спину и всё не могла надыхаться. От носа до подбородка — сплошное пятно песка, тёмные чёрточки прядей прилипли ко лбу. Сверху, наверное, звёзды, сбоку, возможно, деревья, но всё расплывается в пятна. Потом наконец ощутила озноб, и первая мысль была вот какой: *холодно*.

Холодно.

Далеко, за тысячу снов отсюда, Кира плотнее кутается в одеяло. Должно быть, полуночный ветер открыл вдруг окно. Одним глазом взглянув на бу-

дильник, она думает, что вставать ещё ох как нескоро, но снова уснуть не в силах: слишком колотится сердце и слишком уж *холодно* стало.

Далеко, за много километров отсюда, в последнюю минуту перед отправлением некто уверенно шагает в нутро поезда. Поспешно, в задумке — бесшумно, на деле — ойкнув, проехав лицом по свисающей с полки ступне (о, конечно, так было и надо!), едва не падает у окна. Пытается отдышаться, но втягивает лишь одуряющую духоту — и тут точно кто-то проводит замёрзшими пальцами по разгорячённой щеке. Сразу *холодно*.

История начинается отсюда.

Дано:

Два путника вышли навстречу друг другу.

Хотя, может, начало совсем и не здесь, путников больше или же меньше, чем два, и встречаться они не хотят (кто ж их спросит?).

Всё столь относительно, что временами при мысли об этом становится не по себе.

* * *

Лучший вид на этот город — если сесть на поезд Москва — Санкт-Петербург и уехать отсюда подальше.

Так часто думали те, кто остался.

Поэтому, погляди они хоть куда-то ещё, кроме как себе под ноги, то заметили бы существо, одной рукой обнимавшее клетку с большой белой птицей, а другой — толкавшее сумку на колёсиках.

Существо это, укутанное с головы до ног в мрачно-ватую слоистую одежду, нисколько о приезде не сожалело. По крайней мере, глядело бодро.

Всё на нём (или на ней) было каким-то грубым, тяжёлым, как если бы вещи предназначались для того, чтобы их владелец (владелица) хоть чем-то удерживался на земле.

Белая птица в клетке возилась, складывала поудобнее крылья. Нервная, не оправилась от унижения: что в мире нелепее птицы, едущей поездом?

От сумки отлетело колесо и, совершенно издевательски крутясь, укатилось в тамбур. Колесо, очевидно, разделяло мнение местных насчёт этого города, хотело в Москву или в Питер. Там зарплаты, культурная жизнь.

— Проклятье! — сказала существо, ступая на перрон.

Может, конечно, не именно так вот сказала, но в целом смысл был таков, чего придирааться. По голосу стало понятно, что это всё же *она* и что лет ей не так уж и много.

Белая птица в клетке возмущённо забила крыльями.

У девушки, кстати говоря, было имя (вот так новость!). Что, конечно, не столь уж и важно, слова вечно сбивают всех с толку. У птицы вот имени не было, и та не особо комплексовала.

В общем, девушку звали Яся, птицу так и будем звать птицей. Статистически девушек несколько больше, чем птиц, что одновременно белы как снег, путешествуют поездом и будто бы понимают людскую речь.

Не запутаетесь.

— Кто это у тебя, не разберу... Сова? — спросил любопытный прохожий.

— Да*.

Голос чуть хрипловат после сна, вдоль щеки шрамом тянется отпечаток одёжного шва: много часов провела, подложив под голову руку. Уходи, любопытный прохожий. Любопытствуй подальше отсюда.

— Ну, улыбнись, — не унимался тот, — чего серьёзная такая?

Ответом ему стала жуткая перекошенная гримаса — из тех, про которые детям талдычат «никогда так не делай, а то на всю жизнь останется». Незнакомец поспешил сделать вид, что не имеет к этому никакого отношения, и пошёл привязываться к кому-то ещё.

Яся осторожно втянула вокзальный воздух. Ощущался тот особый поездной запах, к которому при-

* Нет.

мешивались нотки прогорклого масла из ларьков с жареными пирогами, и сырого асфальта, и сигаретного дыма, и помятых сонных пассажиров.

Воздух прилип, коконом опутал слоистую одежду.

Неясно, что ещё там эта девчонка унюхала, только стояла вот на перроне и дышала медленно и глубоко. Может, голодная, почуяла пироги?..

Белая птица, совершенно непохожая на сову, сидела тихо. Белая птица знала, что происходит.

Вернёмся к ним, когда хоть что-нибудь тут прояснится. Оставим пока что этих двоих — кому понравится быть менее осведомлённым, нежели птица. Нет, серьёзно, ни в какие ворота.

Это даже ведь не сова!

* * *

Из доступных сегодня миров — мир колготок, диванов и кресел.

Так себе выбор, если объективно, в любом-то раскладе выходит не очень, но вообще-то не зажралась. «Мир колготок» — отлично, вполне интересно, падают с потолка манекеновы рыжие ноги. «Мир диванов и кресел» не ждёт.

В любую из этих реальностей Кира бросилась бы без раздумий.

В маршрутке Кира на слух попыталась определить сторону, по которой станут передавать мелочь. Держать тёплые влажные деньги противно.

Чужое дыхание обдало шею.

Кира как могла отодвинулась.

Дорожные боги сегодня не снисходительны к Кире: монетки передают по обеим сторонам. Волей-неволей, а вовлечена.

Тычок в плечо.

Ай.

Пинок в спину.

Они прикасаются мягко только к телам детей и любовников — да, по правде, и то не всегда. Чужие тела им и вовсе враждебны: давай, поставь ногу — её тут истопчут, схвати рукой поручень — хрясь по костяшкам, по спине, по плечу, напоследок — добить. На, пакетом по голове. Внешне всё здорово напоминает центральную часть «Сада земных наслаждений».

До вот этой поездки Кира понятия не имела, что у неё столько тела, которое можно сжимать. Чей-то живот с силой давит на поясницу, и Кира тихонько, миллиметр за миллиметром, подаётся вперед, но живот разрастается ровно с той скоростью, с которой она пытается отодвигаться. Ладно хоть между ними как минимум парочка курток.

Сейчас начнётся.

Кто-то напомнил водителю, что он везёт не дрова. Тот возразил — *ой, как грубо он им возразил, почему такой грубый водитель*, — и ропот по рядам пошёл-побежал, будто бы и его передали, как недавно — оплату проезда.

Спицей зонта тычут в ногу.

Нужно выбрать что-то конкретное, чтобы смотреть на него. Справа от руля — монетки в прорезях губки. Эта губка в виде сердечка. Поролоновое сердечко подскакивало. Кирино — тоже.

— Проезд оплачиваем, четверо заходили!

До конца пути оставалось всего ничего, два мира и одна планета, но кого-то прижало дверью, и разразился скандал.

Приехали. *Началось.*

Будто кто-то выкрутил звук на максимальную громкость: непонятный — людской ли, звериный, пчелиный, всё нарастающий гул. На задних сиденьях заплакал ребёнок — Кира уцепилась за его плач, высокий, резкий.

Пожалуйста, малыш, не переставай реветь.

— Вы пять рублей недодали!

Тело становится отталкивающе-чужим, ненужной пустой оболочкой.

убирайтесь прочь убирайтесь это моё тело мои мысли это всё чувствую я

— На остановке просили остановить!

Плачь, маленький, плачь.

— Да успокойте ребёнка!

Громкость-яркость-контраст прибавили так, что больше уже не бывает. Контуры толкущихся рядом людей расплываются, границы фигур тают, слипаются в многоорукую массу — и затягивают.

Воздуха не хватает. Кира порывисто дышит ртом.

Губка с выемками для монеток — нежно-зелёная, плотная, водитель ей даже не мылся, маленький островок среди кричащего, режущего цвета. Существуют лишь детский плач да поролоновое сердечко, но их поглощает воронка.

Стоп. Двери открываются.

Киру выплёскивает вместе с толпой. Это немного раньше, чем надо, но ничего больше не остаётся, и, ко всему, говорить «на остановке, пожалуйста» хочется меньше всего. Толпа выносит Киру к перекрёстку — да, ей надо к перекрёстку, — тянет вперёд и вперёд и вдруг неожиданно отторгает, выплёвывает, не дожидаясь.

Всё, одна.

Порядок.

Точно не было ничего.

Голову вниз, ладони прижать к ушам, сделать медленный вдох. Всё хорошо. Всё ушло, и, пока не начнётся вновь, можно вовсе не вспоминать. Произошедшее не вызывало у Киры ровно никаких чувств. Кроме разве что одного, отдавалась которому она ежедневно, со всей полнотой преданной своей натуры. Чувство это, должно быть, родилось раньше, чем первый человек. Физически оно похоже на усталость, и усталости сродни. Небо, быть может, кишело драконами, из-под земли вырывался на волю неведомый странный народец, а ей было бы всё равно, что бы ни произошло. Кира шла мимо, и ей могло бы быть

скучно — нестерпимо, до одури, до боли в сведённых зевотой челюстях, — но не было скучно тоже.

Очень внимательный, очень спокойный взгляд полуприкрытых глаз мог вас чуть-чуть обдурить. А на деле — ей было *никак*. Или не было никак.

Со стороны это можно принять за *стрессоустойчивость, доброжелательность* и *невозмутимость* — отличные качества для работы с людьми.

Так и указавшая в резюме Кира работает с людьми. Говорит: добро пожаловать к нам, распишитесь здесь, здесь и где галочка, возьмите бельё, и вот из окна открывается вид на стену соседнего дома.

— Кирюш, будешь борщ? — с ходу спрашивает коллега и машет издали чем-то круглым, похожим на фрисби.

Чтобы узнать, когда нужно поесть, надо смотреть на часы.

Кира смотрит, потом кивает.

Поначалу ей кажется, что коллега сейчас метнёт диск, но та кладёт кругляшок в тарелку, ставит в микроволновку.

Микроволновка гудит.

— Приезжала в том месяце мама, говорит, типа, ой, как ты, доча, без первого, желудок испортишь. Наварила борща литров пять, да? Нальёт в тарелку — и в морозилку. Сложила их все и мне говорит: вот, разморозишь — будет тебе борщ, для здоровья полезно горячее. И уехала. Я своему хотела скор-

мать, кто ж знал, что он свалит. Ну, взяла сюда, думаю — может, ты будешь. А ты и будешь.

Подумав, что реклама удалась не то чтобы слишком, поспешно добавляет:

— Да не, правда, нормальный борщ. Вкусный.

Микроволновка пищит, мол, готово.

К столу постоянно всё липнет. Коллега сказала, так было всегда, едва привезли — лаком паршивым каким-то покрыли, может, не лаком, может, олифой намазали, клеем, соплями, да чёрт его знает вообще. Он весь покрыт коллажами из приставших ниток, пылинок или вот слов. Часть одного из пельменных рецептов остаётся на этом столе. Кира его избегает касаться, если Кирина очередь мыть — трёт чем ни попадя, но без толку: липнет чистящий порошок.

Коллега облокотилась и прилипла. Тянет за ткань рукава в попытке освободиться. Стол противится ей, щетинится грязью. Коллега слюнит палец, задумчиво трёт оставленный след. Часть этого события отпечатывается на Кире. На неё бы лучше сейчас не смотреть.

Кира вся как налипший сор, отпечатки чужих слов.

— У вас тут борщ? Вот молодцы девчонки, все бы вот так. Раньше-то ели мякину и лебеду натуральную, теперь колбасу жрём и химию! — поучительно говорит пожилая женщина.